

Волчий Клык

Катерина Достоевская

12+

Катерина Достоевская

Волчий клык

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64772181
SelfPub; 2021*

Аннотация

Шаман предрек Анже великую судьбу: спасти все племя от проклятия разгневанных духов. Путь через заснеженные земли принесет ей славу – или же горькие потери?

Катерина Достоевская

Волчий клык

– Ты никуда не пойдешь!

Голос матери срывался от досады и нетерпения. Братик, игравший на полу среди шкур, начал рыдать, чувствуя ее нарастающую злость.

– Замолчи, Лю! Я еще не закончила, Анжа! Не отворачивайся, дослушай меня! Ты не обязана идти, и не пойдешь!

Анжа слышала, но старалась не вникать в ее крики. Она понимала, это всего лишь страх. Страх – мамин, а не ее собственный. Сапоги из добротной кожи, мех на плечах, сумка с сухими припасами, – Анжа обернулась и в последний раз осмотрела их чум, убеждаясь, что взяла все необходимое. Голос малыша нарастал, как и бессильный гнев матери – девочка ощущала, как воздух перед ней дрожал.

Вдох. Спокойствие.

– Я вернусь через пять дней. Не забывай есть, пожалуйста. Лю не перестанет орать, пока ты не перестанешь.

На этот раз голос не дрогнул – это ее успокоило и усилило уверенность в собственной правоте. Она исполнит то, ради чего была рождена.

– Все будет хорошо, мама. Вернусь раньше, если ничего не найду.

Анжа отодвинула нависающие над входом шкуры и сту-

пила наружу. Ледяной ветер обдал лицо. Метель завывала так, что малыш Лю замер, тревожно прислушиваясь.

– Нет, вернись! Я тебя не пущу! Я сказала, вернись!

Мать проскакала за ней пару шагов, снег доставал ей до колен и обжигал неутепленные ноги. Рыдая, не в силах отвернуться, она продолжала кричать, просила, умоляла дочь вернуться в дом.

Закусив губу, Анжа упрямо шагала в сторону леса, не оборачиваясь.

Шаман никогда не врал.

«Духи шепчут мне о ваших жизнях, духи знают о ваших судьбах».

Он разложил перед Анжей кусочки коры – она видела, как он сушил и красил их прошлым летом, и потому знала, под каждой из них – рисунок.

«Выбери три и разложи предо мной своей рукою».

Анжа не спешила. Шаман ее не торопил. Он тихонько мычал на одной ноте, вскоре начал покачиваться из стороны в сторону – едва заметно, но потом все сильнее. Анжа не обращала на него внимания. Его низкий голос помогал думать, будто отсекал все лишние переживания.

Она присматривалась к кусочкам, какие-то ей нравились – объемные, фактурные куски дерева темно-коричневого, серого, бежевого цветов. Многообразие путало, а она хотела

сделать правильный выбор.

Анжа подняла беспомощный взгляд на шамана. Глаза его были закрыты, толстые губы над бородой надулись, как у старой лягушки, щеки блестели от нанесенной краски – с каждой стороны на лице шамана краснели защитные руны. Устав размышлять, Анжа села точно так же, как он – скрестила ноги, вытянула шею и положила руки на колени, ладонями вверх. Кусочки коры были там же, – она уже успела их хорошенько рассмотреть.

Если чего-то не видишь, то что-то обязательно почувствуешь. Она вытянула руку над кусочками и прислушалась к ощущениям.

За утепленными стенами хижины свистел ветер, из леса донесся волчий вой.

Пальцы дрогнули, ощутив внезапное тепло – чуть левее, вот здесь. Теплый кусочек коры. Анжа взяла его в руку и положила себе на ноги. Снова ладонь над этим беспорядком, глазам любопытно, но девочка зажмурилась, не поддаваясь им. Другой кусочек, – выше, – он мягкий? Будет вторым.

И последний. Ладонь колет холодом, хоть в хижине и тепло. Острый. Боясь порезаться, она осторожно положила его рядом с остальными.

И только тогда открыла глаза.

Шаман смотрел на нее и молчал, тепло улыбаясь.

– Открой их.

Анжа перевернула первый и второй кусочек коры рисун-

ком вверх и помедлила. На двух из них был похожий рисунок – очертания медвежьей головы. Анжа посмотрела на шамана – тот ждал, не меняя выражения, пока она не откроет третий.

На последнем был нарисован клык. Шаман жадным взглядом пробежался по символам, отстранился и коснулся ожерелья из перьев и костей на своей груди, обратив лицо вверх. Когда он воздел руки, ветер с пронзительным свистом ворвался в шатер и колыхнул огонь, едва не затушив его. Анжа вскочила на ноги, но не сходила с места; на несколько мгновений стало темно, только белки широко распахнутых глаз неподвижного шамана блестели во мраке.

– Гибель, – произнес он, когда шатер вновь наполнился размеренным светом пламени. – Гибель и смерть идут за тобой, Анжа. Если дашь раскрыться пасти Енгура, голод достигнет тебя, а потом и тех, кто рядом, и не пожалеет никого.

Анжа рухнула на колени, растрепанные длинные волосы скрыли лицо.

– Значит, и я, и мама с братом – все умрут? Как отец?

– Я видел, что ты – важное звено, Анжа. Тебе суждено либо погубить всех, либо спасти.

Она подняла лицо. На щеках блестели две мокрые дорожки.

– Спасти? Я могу их спасти?

– И спасешь, – улыбнулся шаман. – Зная, как ты хороша в стрельбе, точно скажу, что голод вам не страшен. Но слушай внимательно, – он нахмурился, поманив ее поближе и

перейдя на шепот, – ты можешь сделать гораздо больше, можешь спасти всех нас.

Она подняла брови.

– Я видел сон, – продолжал он шептать, – и долго не понимал его значения. Но, теперь я понимаю, там была ты; две отсеченные головы – две победы, и третья, которая решит исход всего. Анжа, – он положил крупные ладони на ее худые плечи.

– Ты – наша спасительница. Теперь я понимаю, что должен рассказать тебе. От успеха зависят жизни не только твоей семьи. Ты готова провести ритуал, чтобы голод не настиг наш край?

Ее сердце стучало так часто и громко, что мешало слушать шамана, но она запоминала каждое его слово, ведь от этого зависело так много.

Огонь подрагивал и затихал каждый раз, как за лесом раздавался протяжный вой.

В первый день ничего не произошло. Анжа размеренно продвигалась вглубь леса через глубокие снега, и пару раз остановилась, чтобы передохнуть. Ни животных, ни птиц не встретилось ей на пути. Казалось, что так путешествие пройдет даже легче.

На второй день пути, на лесной прогалине, ей встретился крупный медведь. Заметив Анжу, он встал на задние ла-

пы и проревел, сотрясая деревья. Анжа выхватила стрелу из колчана и прицелилась в голову, медленно отступая. Готовая рвануть в сторону, если он все-таки заметил ее.

Он обернулся к ней и ревел, обнажив желтые зубы. Пасть была окрашена кровью, рядом лежал распотрошенный лось. Стрела угодила медведю в плечо, застряв в жесткой шкуре. Анжа огрызнулась, схватила вторую и мысленно запретила себе промах; нужно попасть прямо в глаз.

Медведь сорвался на нее с такой скоростью, что она, помедлив лишь мгновение, передумала делать второй выстрел, перекатываясь за ближайшие деревья. Большинство заготовленных стрел рассыпалось по земле. Громадная туша пронеслась совсем рядом, сотрясая землю тяжелым топотом и срывая молодые деревца, будто это травинки. Анжа подумала, что этот медведь – гораздо крупнее тех, что ей доводилось встречать с отцом на охоте, но она не позволила себе забыть. Новая стрела оказалась в ее руке, но целиться не было времени. Она попала в голову, чуть ниже левого глаза. Медведь отшатнулся и взвыл. Сияние окружило его; алое, неожиданно яркое, будто пламя.

Анжа сгребла в охапку со снега еще три стрелы, что были ближе всего, и рванула прочь, виляя между деревьев. Медведь вновь заревел, и от его рева дрожала земля. Анжа подняла плечи и закрыла уши руками, чтобы не оглохнуть. Когда расстояние показалось ей подходящим, она обернулась, одновременно прикладывая стрелу к луку; медведь остался

позади, в алом свечении было сложно разглядеть его бурую шкуру.

Анжа замерла среди деревьев, ожидая, что рано или поздно эта магия развеется. Руки дрожали, натянутая тетива едва ли не пела от напряжения. Если она не избавится от злого духа сейчас, то деревню настигнет его гнев.

Наконец, красное свечение угасло. Звериный рев раздался снова; Анжа могла поклясться, что поняла его значение, словно это был человеческий язык.

«Я не наелся!»

Медведь стал еще больше, почти сравнялся с высоченными соснами. Бурая темнота вечерющего леса оказалась его крупной лапой. Он замахнулся, и это движение казалось болезненно медленным. Анжа смотрела, задрвав голову, как громадная конечность возвышается, загораживая небо и заходящее солнце, сливается с верхушками деревьев и, замерев на секунду в самой высокой точке, опускается прямо на нее.

Тяжело было двинуться с места, колени пробила дрожь, но Анжа с криком рванулась всем телом, пробегая и перекатываясь еще дальше. Огромная лапища погрязла в земле, вдавив даже камни в глубокий кратер отпечатка. Анжа тяжело дышала, не веря своим глазам. Рев отразился от скал за лесом.

«Голоден! Как же я голоден!»

Дух оторвал гигантскую лапу от земли и снова вознес к

небу. Отступая, Анжа прицелилась, на ходу выискивая громадную голову. Невозможно, невозможно, нужно бежать, спастись – крутилось в голове, но ей не хватало решимости опустить лук.

Анжа выстрелила в темноту.

Стрела не пролетела и половины расстояния до цели, описав слабую дугу и упав в снег. Не понимая, что еще предпринять, Анжа выпустила еще одну, и последнюю из подобранных стрел. Небо неуклонно темнело, очертания монстра слились с острыми кончиками сосен. Два алых глаза-колодца зияли в вышине и, сменив положение, уставились прямо на нее.

Анжа бросилась бежать.

Земля сотрясалась и поднималась, треск деревьев и грохот падающих стволов оглушал и подгонял. Взметая снег, Анжа добежала до череды крупных камней, не смея оборачиваться. Медведь грохнул лапой, задев ее кончиком когтя, обрывая шубку на плече, и Анжа повалилась наземь. Она проползла вперед и снова поднялась на ноги, продолжая бежать, как заметила небольшую пещеру. Бросив лук в мелкий ход, она нырнула следом, скрываясь в углублении скалы и пролезая в черный туннель. Огромная лапа вонзилась в проход, скрывая снежную серость снаружи, но никак не могла бы поместиться внутри. Анжа подобрала ноги и, тяжело дыша, уставилась на дыру широко распахнутыми глазами. Плечо пульсировало.

– Прости меня, Великий Господин, прости меня, Великий Господин, спаси меня, Великий Господин...

На секунду стало невероятно тихо – так, что Анжа слышала только бешеный грохот собственного сердца.

Удар – и вся скала сотряслась, снаружи посыпались камушки.

Еще удар – будто монстр тяжело навалился плечом.

Перевернувшись на живот, Анжа поползла дальше по дрожащему туннелю. Все вокруг ходило ходуном. Было больно опираться на левый локоть – вся рука онемела и едва слушалась. Анжа упорно продвигалась вперед, стиснув зубы и подталкивая лук – пока тот не стукнул о свод тупика. Гора сотряслась в третий раз.

Земля обвалилась прямо под Анжей, и она рухнула вниз.

Горная река вынесла ее на край леса, к своду незнакомой пещеры. Пришлось потрудиться, чтобы выволочь себя на берег и стянуть промокшую насквозь сумку с плеч. Ей не верилось, что сил хватит даже на то, чтобы собрать веток и разжечь костер одной-то рабочей рукой – но удалось и это. С потерянным луком пришлось смириться. Когда Анжа кое-как обсушила шубу, была уже глубокая ночь.

Ей все еще предстояло перевязать плечо как следует. Из-за боли Анжа оттягивала этот момент. Дотронувшись до раны с покрасневшими краями, она вздрогнула всем телом и

стиснула снег здоровой рукой. Как она продолжит путь? Может, вернуться домой? Она никогда не встречала во время охоты похожей горной реки и не представляла, где находится, как найти дорогу назад. Позади был глухой каменный свод, отгораживающий ее от холодного ветра, а впереди – плотный лес, череда елей и сосен, похожих друг на друга, в какую сторону ни посмотри.

Анжа тряхнула головой, прогоняя слабость и страх. Сейчас нужно было разобраться с поврежденным плечом – промыть и перевязать. Этим она и займется.

Внезапный шорох заставил ее резко обернуться, и кровь, переставшая было течь, снова хлынула из раны. Странный силуэт среди деревьев привлек ее внимание. Схватив охотничий нож, Анжа вскочила на ноги.

– Кышь! Прочь!

– Не страшись, – прошелестел хриплый голос.

Анжа нахмурилась, всматриваясь в темень густых кустов. Заметила пару желтых глаз, которые тут же потухли, слившись с мраком. Свет костра скользнул по серой меховой накидке вышедшего из леса мужчины. На его поясе при шаге дрожали несколько склянок, на груди виднелось ожерелье из пожелтевших птичьих черепушек, задевающих длинными клювами его черные одежды. Его волосы, сплетенные в прилегающую к голове косу, отливали серебряным блеском, как и пушистая шкура на плечах. Он остановился подле костра, изучая раскосыми глазами Анжу. Та держала нож на уровне

лица, поджав раненую руку. Кровь продолжала, – уже тонкой струйкой, – течь из разорванного плеча.

– Ты шаман?

Он мотнул головой, улыбаясь.

– Иногда я говорю с природой и ее сынами так же, как сейчас с тобой.

Сделав еще шаг, он замер, когда Анжа вскочила на ноги с выставленным в его сторону ножом.

– Не приближайся! Как я пойму, что ты не нападешь?!

Незнакомец усмехнулся, опускаясь прямо на припорошенную снегом землю, и сел, скрестив ноги.

– Я бы давно напал, если бы хотел.

Ссутулившись, оперся на колено и подставил ладони огню.

– Видел, как ты раззадорила ту громадину. Невероятная сила духа, где-то на границе полного безрассудства. Ты ведь понимала, что не победишь. Почему ты выстрелила?

– Я не трусиха! – выпалила Анжа, не вполне осознавая происходящее. Голова кружилась.

Он медленно кивнул, выдерживая паузу, улыбаясь еще шире – едва ли не скалясь.

– Мне это по душе.

Она выждала еще несколько секунд, не сводя с него настороженного взгляда. Нахмурившись, Анжа наконец опустилась на колени и принялась перетягивать соскользнувшую перевязь. Рана на плече пульсировала и была слишком боль-

шой, слишком глубокой. Такой, что у Анжи, выдавшей и похуже, начало плыть в глазах. Потеря крови и усталость после битвы давали о себе знать.

– Позволь помочь, – ласково произнес гость в серых шкурах. – У меня есть лекарство. Я отопью сам, прежде чем дам тебе, – он склонил голову, наблюдая, как она щурится и шипит от боли. Край перевязи выскользнул из дрожащих, окровавленных пальцев. Наконец, она подняла на него глаза.

– Помоги, – кивнула нехотя, задрав голову повыше. – И без обмана!

Сев рядом, он аккуратно отлепил от ее кожи пропитавшиеся кровью лоскуты. Вблизи его глаза уже не казались желтыми, – обычные, карие, как у большинства людей. Мужчина подцепил с пояса одну из склянок. Открыл, отпил, сглотнул и показал Анже длинный, позеленевший у корня язык. Потом он вылил остаток прямо на ее рану. Багрово-черные капли, смешиваясь с кровью, потекли по локтю и срывались на землю. Анжа зажмурилась и завывала, зубами вцепилась в другой рукав; плотный аромат трав разом перебил, будто обрубил все остальные запахи.

– Терпи. Боль скоро уйдет.

В глазах потемнело.

Анже не по душе были домашние дела, зато в охоте она стала незаменимым помощником отцу. Вместе они выделя-

вали шкуры с тех самых пор, как Анжа была немногим старше Лю. Мать снисходительно относилась к увлечению Анжи охотой; каждая женщина в племени умела как пасти оленей, так и стрелять, да устраивать ловушки близ леса для мелкого зверья. Анжа внимательно и бережно относилась к своему первому взрослому луку, который сделала сама, и еще внимательнее – к охотничьему ножу, что достался ей от отца. Широкое у основания и узкое на конце лезвие приходилось периодически затачивать, что она делала с особым усердием, то и дело пробуя его пальцем, – царапины подолгу не заживали, превращаясь в тонкие бледные шрамы. Мать ругала ее за израненные руки, говорила, что той даже плетение корзин не доверишь, – исколет все ладони в кровь, да и закончит на этом.

Только в холодные ночи, незадолго до сезона северных сияний, отец не брал Анжу в леса. В это время все чаще до деревни доносились волчьи протяжные песни; так и прозвали это время года – волчьими ночами. Шаман как-то сказал ей, что это зывают к ним давно погибшие предки, но отец на это всегда усмехался. Большинство костей, шкур и волчьих клыков, украшавших хижину шамана, приносил именно он.

Жар охватил ее, обдавая ознобом, но вскоре отступил, оставив только слабость. Анжа помнила, как легла на землю, кутаясь в свою шубу в попытке согреться. Открыв глаза, она

увидела подбородок гостя – ее голова покоилась у него на коленях. Говорить совсем не хотелось, но она все-таки спросила – и слегка удивилась тишине своего голоса:

– Что ты мне дал?

– Это лекарство, – он поднес ко рту чашу и отпил, потом подал ей. – Пей, маленькая рысь. Это прогонит жар.

Анжа приподняла голову, сделала глоток пахучего отвара и поморщилась. На языке остался привкус горьких трав.

– Твоя шкура. Ты охотишься на волков?

Гость усмехнулся.

– У нас бывает недопонимание.

– Мой отец тоже на них охотился.

– Я это понял, – он кивнул, – по твоему амулету.

Анжа коснулась ожерелья из деревянных бусин, с волчьим клыком по центру, оплетенным оранжевым шнуром.

Он провел рукой по ее волосам.

– Я знаю, зачем ты пришла. Дух голода ненасытен, его можно только на время отвести. Ты же – не просто отведешь, ты запечатаешь его на многие и многие века. Ты победишь его. Я подскажу тебе, как.

Птичьи черепа и деревянные бусины тихо бренчали, пока шаман укладывал в ее память слова ритуала; плавную, протяжную песню, местами переходящую в рык. Анжа слушала, и видела серебристую луну в черном небе, и той недоставало совсем чуть-чуть, чтобы наполниться силой.

– Как тебя зовут? – спросила Анжа, когда он умолк, слу-

шая шелест веток.

– Улу Тойон, – улыбнулся гость. – Спи, маленькая рысь. Завтра ты исполнишь, что должна.

– Тойон, – повторила Анжа, вспоминая об отце. Как тот вырезал для нее игрушки из деревянных заготовок; коней с гладкой спинкой, зайцев с длинными ушами и хохлатых волчков.

Улу Тойон проводил прохладной ладонью по ее щеке, волосам, и напевал, не открывая рта, какой-то успокаивающий мотив.

Когда она проснулась, гость уже исчез, не оставив и следа. Голова гудела, в памяти всплывали обрывки ритуальной песни. Слова путались и ускользали, но она помнила начало, и это казалось главным. Анжа собрала вещи, повесила на ремень охотничий нож, но без лука чувствовала себя тревожно. Казалось, что незнакомец ей приснился, но плечо ее было ровно перебинтовано льняной перевязью, – значит, он все-таки приходил, и ей это не привиделось. Руки подрагивали от холода, но слабость отступила.

Взвалив сумку на здоровое плечо, она снова направилась в чащу – откуда выступил раньше незнакомец в серых шкурах.

Через пару часов она заметила, что воздух постепенно становился тоньше, а идти было все сложнее. Анжа подни-

малась по пологому склону, не сразу поняв это из-за череды древесных стволов вокруг. В минувшую ночь произошло столько всего, что затишье казалось благословением. Вспомнив о духе-медведе, алом сиянии, огромной лапе, занесенной, чтобы раздавить ее – она остановилась, устремив пустой взгляд в лес перед собой.

Что, если у нее не получится?

Она не сразила чудовище, – убежала, едва не погибнув. Обида на себя обожгла сильнее, стоило ей вспомнить про потерянный лук. Отец бы не простил такого отношения к оружию, она должна была держать его, несмотря ни на что. Что ей делать, с одним-то ножом, одной, в глубине леса?

Анжа сжала лямку своей сумки и закусил губу, чтобы не дать себе разрыдаться.

Мама была права. Не надо было ей идти. Что она может, безоружная?

Что-то быстро несло ее в голову сквозь ветки. Инстинктивно увернувшись, Анжа проводила ошалевшим взглядом черное пятно, на полной скорости нырнувшее в снег прямо позади нее. С той же стороны, за деревьями, проскочила темно-серая тень.

Анжа выхватила нож, встав устойчивее, и не сводила глаз с волка. У нее не было ни стрел, ни лука, чтобы отпугнуть его выстрелом. Для схватки Анжа была слишком слаба, но, если петлять между стволами, у нее есть шанс...

Волк смотрел на нее несколько долгих секунд, потом опу-

стил голову и потрусил прочь.

Тяжело выдохнув, Анжа сбросила сумку и нож, упала на колени и принялась рыть снег там, куда приземлилось пятно, расширяя лунку ладонями. Черное крыло, трепеща, высунулось на воздух. Анжа аккуратно вытащила черную птицу на поверхность. Та била головой, брызгая кровью на белый снег, но не могла обрести контроль над телом, лапы сковало судорогой.

Анжа не решалась взять ее на руки, чтобы не повредить и без того хрупкое тельце, и беспомощно смотрела, склонившись над птицей, как та ошалело крутит по сторонам черным глазом. Как может быть в таком маленьком существе столько крови?

Может, это и есть подсказка?

Анжа дрожащей рукой потянулась к ножу.

Она сделает то, ради чего была рождена, и спасет свою семью. Анже было не по себе, но ей придется выстоять, пока она не выберется из чащи. И для этого ей нужно сделать новый лук.

«Видишь мои амулеты?»

Птичьи черепа перестукивались с ожерельем из клыков на его груди.

«У тебя тоже есть такой, маленькая рысь. Подаренный отцом, чтобы защищать. Он не позволит волкам взять твой

след, — но уж я-то тебя учуял».

Руки Анжи — алые. Это ее собственная кровь? Она держит в руке нож, а ладони жжет от порезов, — она держит его за лезвие; старые шрамы расходятся, становясь длиннее, глубже.

Волк с серебряной шкурой сидел перед ней, раскрыв белоснежную пасть, ипил кровь, щедро стекающую по ее пальцам.

«Для тебя нет неверного пути. Я разделю его с тобой».

Он выл, и его протяжный голос отражался от снежной глады, расходясь по лесу гулким эхом.

«Спой ему мою песню, и он не пробудится еще многие века».

Анжа ступила на гладкую, влажную каменную поверхность, и эхо ее шага объяло своды пещеры. Вой леденящего ветра остался позади. За день она смастерила лук и подготовила пять стрел, — не самых точных, но которые бы подошли, чтобы отпугивать зверей. Уже наступила ночь, и следовало укрыться от холода и хищников. Необъяснимым образом она знала, что попала, куда нужно. Мертвая птица лежала в узелке, который Анжа осторожно несла в руках.

Проход вскоре перешел в большой зал, обрамленный гладкими стенами и освещенный лунным светом через небольшую дыру в самой вершине. В глубине виднелась

стойка, сложенная из камней разных размеров. Анжа приблизилась, ощущая себя неловко в таком огромном пустом пространстве, но также чувствовала странную торжественность. Она совершит то, что ей предначертано, и все будет хорошо – осталось совсем немного.

Что-то сорвалось и устремилось прочь из темноты, заставив Анжу отступить и загородить голову. Несколько летучих мышей возникли из ниоткуда и так же внезапно исчезли, оставив за собой эхо хлопков перепончатых крыльев.

Вскоре наступила тишина. Изредка со свода едва слышно капала вода. Лунный свет падал на пьедестал из неотесанных камней, озарив их сырой блеск магическим голубоватым сиянием. Анжа приблизилась к нему.

На шероховатых камнях виднелись глубокие царапины. Казалось, они наполнились тьмой. Сверху же поверхность была отесанной и едва ли не гладкой, как стол. В кругу Анжа различила древние, поросшие мхом от влаги, очертания звериной головы, – ей сразу вспомнился потревоженный дух-медведь.

Анжа отложила вещи, села на колени за пьедесталом и аккуратно развернула узелок с мертвой птицей.

Эхо звучало под сводом даже от ее дыхания, не говоря уже о шорохе тряпья, подхватывая едва уловимые движения и обволакивая пространство, словно музыка.

Анжа бережно взяла птицу на ладони, встала и вознесла ее над пьедесталом. Лунный свет скользил по черным пе-

рьям, превращая их в серебро.

«О, Отец Лесов! Прими мой дар! Не позволь этой смерти быть зря. Утоли свой голод, умерь гнев и помоги, избавь от бед мою деревню».

Эхо многократно отразило слова Анжи, наполнив все пространство звуками ее голоса. Когда она склонилась, чтобы переложить птицу на гладкую поверхность, в центр пьедестала, лунный свет окрасил ее волосы в белое.

Черные перья пропитались кровью, и маленькая тушка мазнула по камню алым. Анжа закрыла глаза и отстранилась от пьедестала, глубоко дыша. Песня звучала в ее памяти, как только она ступила под своды этого места; слова ритуала, которые шаман вложил ей в память еще до начала пути, на мотив мелодии, что спел ей Улу Тойон. В начале ее голос был слаб, но становился увереннее с каждой повторяемой фразой. Анжа пела, закрыв глаза, и сквозь веки наблюдала, как темнота переходит в мягкий голубой свет и становится ярче, наполняясь лунным серебром.

Она чувствовала, как сама становится легче, будто взлетает. Голова приятно кружилась, как бывало в хижине шамана, когда воздух пропитывался душистыми курениями. Низкий, зычный рев выдернул ее из транса.

На противоположном краю пещерного зала стоял медведь, вытянувшись во весь рост. С его шкуры срывались алые крупички и сразу растворялись, будто искры. Теперь он казался меньше, даже меньше обычного медведя, но все равно

был выше и крупнее Анжи. Он ударил по воздуху передними лапами и проревел, снова заглушая песню Анжи протяжным ревом-стоном.

Из-за света луны птица в алом круге на алтаре превратилась в белоснежную.

Анжа продолжала петь, протягивая руки к духу. Тот тяжело опустился на все четыре лапы, едва устояв. Прорывав в третий раз, он понесся к алтарю, разгоняясь всей своей массой. Анжа замешкалась, но как только он оказался в центре зала – выступила перед алтарем, перегораживая ему путь и тяжело дыша.

– Бери меня, если надо!

Медведь навалился на нее, упираясь в плечи здоровыми лапами – и Анжа завопила от боли. Еще немного, и ее кости бы треснули от такого веса. Красное пятно разошлось по перевязи на ее плече.

Он ревел; из его пасти несло гнилью и старой кровью, но больше он не предпринимал ничего. Анжа хватала ртом воздух, когда осознала, что его зубы словно стали полупрозрачными. Мысль поразила ее, проскользнув на грани сознания.

«Он слаб».

Уперев здоровую руку ему в шею, Анжа зажмурилась и, крича, попыталась отвести его голову. Ладонь утонула в шерсти, алый отблеск его глаз маячил где-то наверху, но Анжа чувствовала – он поддается, он отступает!

Финальным усилием она оттолкнула его, и у нее получи-

лось.

Освободившись, Анжа перевернулась, отползла к алтарю и схватила лук. Направила небрежно заостренное острие на медведя, но тот и сам успел подняться, намереваясь нестись к пьедесталу, повалить его всей своей тушей.

Мелодия Улу Тойона продолжала звучать в ее голове, заглушая боль, и Анжа осознала, что сама подпевает ей вслух. Она почувствовала теплую руку на своем плече.

Птицу на алтаре охватило голубое сияние, которое не потухло, даже когда медведь, приблизившись, перекрыл поток лунного света над ней.

С кончика стрелы сорвался такой же голубой свет, отразившись в глазах Анжи.

«Стреляй».

Она послушалась.

Сделанная наскоро стрела никогда бы не продела плотную звериную кожу, но эта вошла в спину легко. Медведь замер, парализованный; теперь и его лапы казались прозрачными в темноте. Голубое сияние перекинулось на шкуру, охватило его, как огонь пожирает сухую листву.

Вспышка ослепила и оглушила Анжу.

Ее сердце колотилось теперь не просто от волнения, но от страха. Она пригнулась и быстро отползла в сторону, держась стены пещеры, зажмурившись и заткнув уши.

Когда все закончилось, Анжа не увидела ни духа, ни птицы на алтаре. В кругу, поросшем мхом, все еще виднелись

кровавые следы.

– Анжа!

Мать бросилась ко входу, когда Анжа еще не успела толком раздвинуть шкуры и войти. Дома все было, как прежде: папин лук на стене, мирно играющий братец, стук деревянных игрушек.

Мать стряхнула снег с ее воротника, подвела Анжу к огню и ахнула.

– Твои волосы!

Она взяла лицо дочери в руки, внимательно всмотрелась в глаза – и крепко-крепко обняла ее.

– Я думала, ты уже не придешь, – плакала ей в шубу, но то были слезы радости. – Слава Богам, что ты вернулась, доченька...

Анжа придержала маму под локти, не отстраняя от себя, хоть рана на плече все еще давала о себе знать.

Усадив ее на шкуры, мама помогла стянуть одежду, накинула на плечи Анжи расшитую пестрыми узорами накидку и говорила, говорила, говорила.

Она долго рассказывала про Лю, как он подрос и что начал лепетать. Про то, как шила для Анжи эту накидку, ожидая, изо дня в день, что вот-вот дочь вернется. Анжа грела ладони о миску горячего чая и никак не могла согреть пальцы.

Умываясь перед ужином, девушка задержала взгляд на

своем отражении – ее лицо изменилось, обрело остроту черт. А волосы и впрямь будто поседели, такими светлыми они казались.

Енгур сидел на возвышении и смотрел на череду хижин вдалеке. Он больше не улыбался, но в его взгляде и лице было умиротворенное спокойствие. Уверенность. Власть.

Дождавшись, когда солнце уйдет за горизонт, он поднял с заснеженной земли обожженную с кончика стрелу и встал.

Его седые волосы и серые шкуры отливали серебряным светом полной луны.

Глаз, ещё глаз, везде вижу твои глаза.

В три погибели согнута, жду, когда хрустнет кость;

Над деревней моей третью ночь, как горит гроза,

Небо гремит – но никак не начнется дождь.

Зов мой услышь наконец, я тебя прошу,

Отведи от семьи моей смерти угрюмый мрак.

Я тебе обещаю, что с щедростью отплачу,

Дай поскорее мне новый, понятный знак.

Тени растут, за спиню клубится дым,

У м о л я ю т е б я, помоги мне в последний раз!

Волчьи шкуры на стенах поймали ответ луны,

Тьмой окруженный, за мной наблюдает глаз,

Глаз, еще глаз, да четыре, пятнадцать, сто!..

В золотом снопе искр исчезает, сгорая, взгляд.

В тишине мне потухшее пламя шепнуло то,

Что решил ты – живую нужна тебе только я.

Путеводная